

А.С. Макаренко

ФД-1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М15

Макаренко А.С.
М15 ФД-1 / А.С. Макаренко – М.: Книга по Требованию, 2021. – 124 с.

ISBN 978-5-458-04290-1

Книга-очерк о колонии Дзержинского. При жизни автора издана не была. Пролежав в Издательстве художественной литературы, рукопись книги вернулась к автору. Позже, когда А.С.Макаренко работал над повестью «Флаги на башнях», он воспользовался некоторыми главами «ФД-1», включив их в свою новую повесть. Поэтому «ФД-1» публикуется в посмертных изданиях сочинений Макаренко с существенными пропусками.

ISBN 978-5-458-04290-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.С. Макаренко, 2021

Антон Семенович Макаренко
ФД-1

1. ПОХОЖЕ НА ВСТУПЛЕНИЕ

Харьков еще спал, когда колонна коммунаров прошла через город от вокзала в коммуну. Ожидался хороший день, но солнце еще не всходило. За окнами спали люди, и мы будили их громом нашего оркестра: раздвигались занавески, и кто-то удивленный разглядывал ряды марширующих мальчишек со знаменем впереди. Знамя шло по-походному — в чехле. По плану коммунарам полагалось бы быть уставшими. Поезд пришел в Харьков в два часа ночи. Мы до рассвета «провольнили» на вокзале, пока нашли подводы для вещей. Только вчера мы были в Севастополе, дышали югом, морем, кораблями, широкими, вольными глотками пили бегущие мимо нас, быстро сменяющиеся впечатления. Сейчас, ранним утром, притихшим в мальчишеской лукавой бодрости, для нас таким непривычно знакомым показался Харьков, и это было тоже ново, как будто мы продолжаем поход по новым местам. Поэтому мы не ощущали усталости.

Прошли через город, вот и белгородское шоссе, вот и лес. Фанфаристы свернули вправо на нашу дорожку в лесу. Всегда в этом месте мы распускали строй и пробирались через лес «вольно», чтобы построиться снова в поле. Но теперь нас, наверное, будут встречать, и мы держим фасон.

— Справа по одному, марш!

Коммунары вытянулись в одну линию.

Лесные дорожки родные, на них знакома каждая морщинка, каждая сломанная придорожная веточка.

Оркестр уже выбрался из леса и торопливо перестраивается «по шести». Навстречу бегут по межам, сокращая путь, обрадованные люди: рабочие, служащие, их дочки и пацаны, приятели с Шишковки. Скачут по жнивью собаки.

Волчок быстро шепчет:

— Марш Дзержинского... раз, два...

Мы салюгуем встречающим нашим маршем — маршем Дзержинского.

Эту честь мы оказываем далеко не каждому.

Коммунары быстро перестраиваются. Им трудно сдерживать улыбку в то время, когда кругом им машут шапками, протягивают руки и кричат:

— Васька, а Васька, черный какой...

Но коммунары держат ногу и напускают на себя серьезность.

Пыльная дорога еле-еле вмещает наш широкий строй, и поэтому нам трудно сохранять воинскую красоту. Встречающие идут рядом, разглядывая наши загорелые физиономии. Землянский впереди особенно лихо звенит тарелками, и особенно высоко передовые задирают фанфары навстречу солнцу, в удивлении вглянувшему на нас единственный глаз.

Летит к нам навстречу и Соломон Борисович, наш заведующий производством, человек толстый и юношески подвижный. Он ничего не понимает в неприкосновенности строя, прямо с разбегу со страшной инерцией своей шестипудовой массы бросается мне на шею и считает обязательным по-настоящему обчмокать меня расстроенными старческими губами. Разогнавшаяся в марше знаменная бригада налетает на нас, а на нее налетает первый взвод. Первый взвод хочочет, и командир взвода Миша Долинный протестует:

— Выйдите из строя, Соломон Борисович.

Соломон Борисович протягивает к нему руки.

— Товарищ Долинный, как вы загорели, это прямо удивительно!

Он пожимает руку смущенному Мише, семенит рядом с ним и торжествует:

— Теперь вы меня ругать не будете. Есть где работать — не скажете, что Соломон Борисович ничего для вас не приготовил. Вот я Вам покажу... Вы видите крышу? Вы видите, видите? Вон за деревом...

Миша безнадежно пытается поймать ногу и сердится:

— Соломон Борисович, вы же видите, что мы идем со знаменем! Станьте сюда и держите ногу.

Как настоящий коммерсант, Соломон Борисович склонен к сентиментальности, но он слишком уважает коммунарский строй, и он послушен: он напряженно чеканит «левой, правой» и молчит. Его живот и наморщенный лоб всем окружающим возвещают, что Соломон Борисович умеет встретить коммуноу, но и коммуна знает ему цену: все остальные идут сбоку, а Соломон Борисович «за знаменем».

Вот и наш серый дворец. Соломон Борисович вместе со всеми выстраивается для отдачи чести знамени, которое после месячного отсутствия вносится в наш дом.

Окончились церемонии, и коммунары побежали проверить коммуноу. Соломон Борисович снова оживлен и радостен. Он берет меня под руку, и, окруженные толпой коммунаров, мы идем осматривать постройки, воздвигнутые Соломоном Борисовичем во время нашего похода в Крым.

Так окончился марш тридцатого года.

Марш тридцатого года — это было счастливое, беззаботное время для коммунаров. Это был год, когда мы на каком-то микроскопическом участке общего советского фронта делали свое маленькое дело и были счастливы. Мы много работали, учились, отшлифовали грани нашего коллектива и радовались. Коммунары одинаково светлым взглядом смотрели на солнце и на трубы завода, потому что это были непреложные элементы живой жизни. Мир в их представлении был идеально гармоничен, он состоял из неба, солнца, заводов, рабочего класса, комсомола и других хороших и ценных вещей.

Тогда мы гордились маршем тридцатого года и о нем рассказывали в полной уверенности, что это было прекрасное и сильное движение. У нас были мастерские, мы выделяли нехитрые вещи, но все же нужные людям, в школе мы учились. Одним словом, мы гордились и имели на это основания.

Но вот теперь, когда прошел тридцатый первый год, оглядываясь назад, мы со снисходительной улыбкой рассматриваем наше прошлое. Прекрасный марш тридцатого года — это вовсе не был потрясающий, звенящий марш победителей, нет, это мы только учились ходить. Так это было скромно в сравнении с тем, что выпало на долю нашего коллектива в славном боевом тридцать первом году.

О, тридцать первый год — это настоящая война. Здесь было все. Был зуд нетерпения и требовательности, была язвительная улыбка умного, опытного человека, мальнишеский кипящий задор и строгая математика острого очиненного карандаша. Коммуноа прошла тяжелейшие изрытые оврагами пространства, забросанные мусором площади, гудронные паркеты шоссе и Черное море.

У нас были в этом году необозримые посеы терпения, были напряжения длительные и безмолвные, когда крепко сжимаются губы и осторожно по санти-

метрам расходуется драгоценная воля, когда не играет музыка и не блещет открыто коллектив в своем величии и красоте.

Были и марши и походы, полные стройности и очарования, марши юности по древним горам среди древних народов. Были широко раскрытые радостные глаза, стремящиеся схватить в дерзком усилии всю мощь Советского Союза и советской стройки, были просто человеческие дни отдыха и мобилизации новых сил.

А силы были нужны для больших и трудных операций.

Сейчас, когда я это пишу, на пятнадцать минут выйдя из строя, коммунары штурмуют высоты, о взятии которых нам не снилось еще полгода назад. Это действительно «кровоавый» штурм, настойчивые удары нашей воли и дерзости, нашего знания и умения.

2. К ТЕОРИИ МУТАЦИЙ

Здания, воздвигнутые Соломоном Борисовичем, произвели на коммунаров сильное впечатление. Хотя они были построены из дерева и других подобных материалов, но были поразительны по своей величине и строительной смелости. Главными зданиями были: сборный цех для деревообделочной мастерской длиной в шестьдесят метров и шириной в двадцать и жилой дом, в котором строительная мудрость Соломона Борисовича вместила и квартиры для многих рабочих, и столовую, и швейную, и бухгалтерию, и кухню, и даже красный уголок.

Перед отъездом в Крым мы страдали от недостатка производственных помещений, и поэтому, когда загорелые ноги коммунаров, еще не расставшиеся с трусиками, пробежали по всем объектам строительства Соломона Борисовича, в душах коммунаров довольно основательно расположилось чувство удовлетворения.

Новый сборный цех в этот момент был еще пуст и представлял собой огромную площадку, которая еще не была тронута легкой рукой индустрии.

Коммунары прыгали по цеху, непривычно пораженные его размахом.

Соломон Борисович в этот момент испытывал наслаждение. Он был горд успехами строительства и ошачтливлен довольными рожами коммунаров.

Коммунары были довольны. Им не понравилось, что весь двор был завален строительным мусором, но и раньше Соломон Борисович не отличался чрезмерной аккуратностью. В общем, это было, в самом деле, строительство, и коммунарам можно было развернуть настоящую большую производственную работу. В ближайшие дни коммунары были увлечены другими, гораздо более сильными впечатлениями, которые были связаны с нашей школой.

Школьный вопрос у нас до сих пор обстоял очень невыразительно. Начинали мы когда-то от печки, от обычных групп трудовой школы. Но к нам приходили мальчики и девочки, которых на педагогическом языке обычно называют переростками. Мы не умели с настоящей педагогической эмоцией произносить это слово, то есть не умели вкладывать в его содержание признаков безнадежности, предрешенности и ненужности. Переросток в детском саду — это то, что никому не нужно, всем мешает, нарушает дисциплину и спутывает весь педагогический пасьянс.

Коммунары подходили к пятой, шестой группе в возрасте семнадцати-восемнадцати лет. Возиться с окончанием трудовой школы некогда и скучно. Давно мы привыкли к прекрасному выходу из нашей образовательной системы — мы отправляли коммунаров в рабфак. Все оканчивалось сравнительно благополучно, и у нас не было случая, чтобы кто-нибудь провалился на испытаниях. И летом тридцатого года в коммуне и в Крыму человек до тридцати коммунаров готовились в рабфак.

Приехав из Крыма, наши комиссии бросились искать места в рабфаках. Нас ожидало страшное разочарование. На первые курсы нам предлагали места очень неохотно, да и то без стипендий, приглашали больше на второй. Это было похоже на разгром всех наших планов: без стипендии пускаться коммунарам в студенческую жизнь было весьма опасно, оставит ребят жить в коммуне значило бы совершенно изменить ее лицо, это уже не была бы трудовая коммуна, а в значи-

тельной степени общежитие для студентов, новеньких принимать было некуда. Посылать ребят на второй курс мы боялись, вдруг срежутся на экзамене.

В полной растерянности собрались совет командиров и бюро комсомола.

Как и всегда, в заседании присутствовали все, кто хочет, кому интересно и кто случайно забрел в кабинет. Собрались почти все кандидаты в рабфак.

Секретарь совета командиров (ССК) Коммуна Харланова поставила на повестку один вопрос — как быть с рабфаковцами? Так у нас называли всегда всех кандидатов в рабфаки, настолько была у всех глубокая уверенность, что все в рабфак попадут. В заседании над «рабфаковцами» немного подшучивали:

— Рабфак ваш работает в машинном...

— Принимайтесь лучше за кроватные углы, рабфак подождет...

— А Юдину уже снилось, что он профессор...

Я кратко доложил собранию об обстоятельствах дела. Все молчали, потому что выхода как будто и не было. Харланова озабоченно оглядывала командиров:

— Ну так что же? Чего же вы молчите? Значит, на том и успокоимся — никого в этом году в рабфак не посылаем?..

Новый секретарь бюро ячеек комсомола, всегда улыбающийся Акимов, человек, не способный ярчить себе настроение ни при каких обстоятельствах, спокойно и задумчиво говорит:

— Так нельзя, чтобы никого не посылать. Только чего нервничать? Надо думать. Наверное, что-нибудь придумаем.

— Ну, так что ты придумаешь? Что придумаешь? — грубовато оборачивается к Акимову Фомичев, один из самых старших кандидатов в рабфак.

— Да что тут думать, — улыбается Акимов, — приглашают вас на второй курс, вот и идите, чего вы ломаетесь?

— Ну, какой вы чудак, а еще и секретарь, — злится серьезный Юдин. — Приглашают... Это не приглашают, а отказывают. Они прекрасно знают, что мы все подавали на первый курс, а говорят: идите на второй, это все равно — убирайтесь на все четыре стороны.

— А вы и идите на второй, раз приглашают...

— Может, на третий идти, на третий тоже мест сколько хочешь, тоже приглашают... А экзамен?

— Ну, идите на первый, будет трудно — поможем, а там и стипендию дадут...

Харланова останавливает Акимова:

— У нас, знаешь, какое теперь положение... Себе не хватает, наша помощь будет плохая.

Юдин вдруг круто поворачивается ко мне.

— А скажите, пожалуйста, Антон Семенович, почему это такое? Идите, говорят, на второй курс. Что это такое? Выходит как будто, что в коммуне есть первый курс. Как будто мы окончили первый курс в коммуне, а теперь перейдем на второй курс куда-нибудь там, в электротехнический или еще какой?

— А в самом деле выходит так, — кричит Сопин и ерзает на стуле, что-то продолжая доказывать своему соседу.

Я задумчиво смотрю на Юдина и думаю: а ведь в самом деле так выходит, это он правильно сказал.

— А скажите, Антон Семенович, — спрашивает, улыбаясь, Акимов, — их зовут на второй курс... так ведь они не годятся еще, правда же?

— Годятся, — тихо говорит Коммуна.

— Конечно, годятся, — кричит Сопин, которому до рабфака еще очень далеко.

— Ну, чего ты кричишь? Чего ты кричишь? Ты что-нибудь понимаешь в этом? — Харланова начинает сердиться на Сопина.

— А как же, понимаю.

Совет командиров хохочет.

— А чего? Что тут понимать? Понимаю: если из четвертой группы поступают на второй курс, значит, из шестой можно прямо на второй...

— Там совсем другая программа, правда же, Антон Семенович? — настойчиво требует ответа Юдин.

В совете начинается шум... Харланова насилу сдерживает собрание и уже кричит на меня:

— Кричат все... ну, Антон Семенович, говорите уже...

Все затихают и смотрят мне в рот: Юдин серьезно и так, как будто он приступает к решению математической задачи, Акимов с прежней спокойной улыбкой, Сопин страшно заинтересован и весь превратился в нервный заряд.

Я очень хорошо помню этот момент. Тогда я особенно ясно ощутил всю прелесть и чистоту этого десятка лиц, таких светлых, таких умных и таких всемогущих, умеющих так спокойно и с таким веселым достоинством решать судьбы своих товарищей и тех многих сотен будущих коммунаров, которые придут им на смену. Я мысленно отсалютовал этим милым очередным командирам нашего коллектива и сказал:

— Вопрос, товарищи, совершенно ясен, и Юдин прав. Нам не нужно ничего придумывать и не нужно падать духом. Через неделю у нас будет свой рабфак, самый настоящий, со всеми правами, ив него войдут не тридцать человек, а половина коммунаров, у нас будет первый и второй курсы. Давайте пока прекратим обсуждение этого вопроса, поручите мне действовать, и через неделю я вам доложу, как обстоит дело...

В совете командиров не закричали «ура», никто не предложил меня качать. Сопин сделался серьезным, это страшно не шло к нему, и сказал:

— Правильно... Так оно и должно быть...

— Ну, что ты понимаешь? — сказала, улыбаясь, Харланова.

— Я не понимаю? — закричал Сопин, но вдруг сразу успокоился. — Это же она понимает, правда же?

Юдин положил руку на колено Сопина и улыбнулся:

— Я думаю, что тут все понимают... Если мы выросли до рабфака, то пускай рабфак будет у нас...

— А рабфак разрешат? — спросил кто-то...

Еще за десять минут перед тем самый вопрос не приходил мне в голову, а теперь я ответил:

— В этом не может быть сомнений. Мы будем хлопотать. Но уже завтра соберем педсовет и приступим к организации рабфака. Считайте это дело решенным...

Акимов осторожно спросил:

— А педагоги наши годятся?

— Годятся почти все, часть, может быть, уйдет, но ведь у нас еще будут и

подготовительные группы...

— Конечно, — закричал Сопин, — довольно... Какие там четвертые группы — подготовительные к рабфаку — это правильно...

Поднялся обычный гадеж, всегда сопровождающий нарожение новых перспектив.

Харланова голосовала:

— Кто за это, поднимите руки...

— За что, за это? — спросил Акимов.

— Не понимаешь? — надул губы Сопин. — За рабфак...

Так совершилось открытие рабфака.

Я не обманывал коммунаров. Вопрос стоял с таким математически точным оформлением, что и на самом деле рабфак начал существовать на другой день. Правда, нами были предприняты шаги в соответствующих ведомствах, но сомневаться в том, что нам рабфак разрешат, ни у нас, ни у этих ведомств основания не было. Разрешение еще не было получено, но уже коммунары были разбиты по группам, были приглашены дополнительные преподаватели, составлены планы и приступлено даже к закупке физического кабинета и других пособий.

У коммунаров навсегда осталось впечатление, что рабфак был открыт советом командиров, и это верно. Только его открыли не в заседании десятого ноября 1930 года, а в очень многих напряжениях коллектива дзержинцев задолго и незадолго до этого. Наш рабфак был естественным продуктом всей нашей работы и всей нашей жизни. Когда мы этот рабфак открывали, мы не чувствовали никакого напряжения, и это дело было для нас естественным жестом проснувшегося сильного человека. рабфак был открыт одним броском, в котором совершенно органически соединялись и наша воля, и наш разум, и наши стремления. В биологии тоже есть теория мутаций, утверждающая, что в процессе эволюционного развития незаметно и постепенно накапливается тенденция к изменению, которое вдруг реализуется в одном взрывном, революционном явлении, приводящем к новым формам жизни. Так было у нас с рабфаком.

При его открытии мы испытывали только материальные затруднения. Мы должны были все наши нужды покрывать заработком производства, а оно само еще не стояло на ногах как следует. Тогда, в сентябре, мы были еще настолько бедны, что принуждены были обратиться за помощью в ЦКПД — нам дали две тысячи рублей для пополнения физического кабинета.

Мы даже не устроили вечера в честь открытия рабфака — так все это вышло естественно, мы были только очарованы, может быть, были очарованы своей собственной силой.

Очень скоро, уже через месяц, мы перешли от очарования к новым боям и к новым трудностям, сейчас, через год, мы ведем последний штурм казавшихся несокрушаемыми цитаделей, но если бы не было рабфака, мы не были бы способны на это.

Тогда, в сентябре, затрудняло только одно: рабфак — это дорогая вещь, за него нужно платить деньгами, следовательно, нашими нервами, мускулами — нашей работой.

3. ИСТОРИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ФОНА

Когда-то, в первой молодости, я написал рассказ и послал его Максиму Горькому. Получил от Горького письмо, в котором между прочим было написано: «...рассказ написан слабо: не написан фон...»

Тогда письмо Горького отбило у меня охоту заниматься художественной выдумкой. Но и теперь, когда мне выпало на долю описывать художественную правду, я всегда со страхом вспоминаю:

— Стой... А фон? Написан ли фон?

Действительно, жизнь ста пятидесяти коммунаров-дзержинцев осенью 1930 года рисовалась на определенном фоне, мы все этот фон замечали. Только этот фон не торчал отдельно на заднем плане картины, а выпирал вперед, расплывался по лицам переднего плана и вдруг начинал играть на первых ролях, отгесняя в сторону специально назначенных для этих целей персонажей.

Привез этот фон из Киева тот же Соломон Борисович.

Очень жаль, что Ильф и Петров истратили по пустякам прекрасный термин: «великий комбинатор». Их герой имел гораздо меньше права на это звание, чем Соломон Борисович, и занимался он какими-то стульями, между тем как Соломон Борисович — прежде всего производитель.

Соломон Борисович в нашей поэме играет не последнюю роль. По всем правилам нужно рассказать о нем подробно, не мешало бы даже остановиться на его предках. Но предков у Соломона Борисовича не было. Не было у него и прошлого. Соломон Борисович родился после 1917 года. Некоторые товарищи, правда, утверждали, что Соломон Борисович имел раньше в Киеве маленький заводик, жил хорошо, была у него квартирка...

По поводу таких предположений Соломон Борисович всегда говорит:

— Заводик, скажите пожалуйста, заводик... может, имел фабрику, магазин готового платья? Всем до этого дело, а никто не спросит, сколько часов в сутки спал Соломон Борисович... Подумаешь, фабриканта нашли...

После такого отзыва заводик и квартирка в самом деле начинают представляться в далеком тумане, может быть, было, а может, и не было.

Если бы Соломон Борисович имел более спокойный характер, то и тумана никакого не было бы. Но иногда в совете командиров, когда коммунары доведут его до белого каления, раскритичится в обиде:

— Вы понимаете? Много вы понимаете в производстве. Он, смотрите, носа вытереть не знает, а в производстве он все знает. Вы это говорите мне? Эти ваши мастерские, подумаешь, завод! Я имел получше дела, и спросите, как я их делал. Я не видел этой вагранки?..

Говорили также, что Соломон Борисович окончил Политехнический институт в Германии, но когда к нам приехали немцы-рабочие и на собрании в «громком» клубе просили Соломона Борисовича переводить, он сказал:

— Забыл, знаете, товарищи коммунары.

Коммунары мало интересовались его прошлым, ибо настоящее Соломона Борисовича слишком основательно было установлено перед их глазами и отвернуться от него нельзя. Вот вы отвернулись. Но Соломон Борисович, несмотря на